Гоголь

Рос. газета - 1997 - 15 - 21 фев. - с. IV

21 февраля 1852 года умер Николай Васильевич Гоголь. Много толков ходит о жизни Гоголя — о его отрешении от мирских радостей, о мистическом обращении к религии, но еще больше домыслов — о его смерти. По одной версии — его оставил разум, по другой — скончался он от нервной горячки — тифа, по третьей — погрузился в летаргический сон... Что же за болезнь была у Гоголя?

ВЛАДИМИР Петрович Тарасенков, правнук Алексея Терентьевича Тарасенкова, одного из врачей, который лечил Гоголя и присутствовал при последних днях жизни русского писателя, к медицине имеет весьма отдаленное отношение: он инженер-путеец. Но все, что связано с его прадедом, с именем Гоголя, хранят редкие документы семейного архива. Владимир Петрович и рассказал мне о своем прадеде, о его записках, которые он так и назвал «Последние дни жизни Н.В. Гоголя». Доктор поведал о странной болезни Гоголя своему сыну, тот — своему, так эта история дошла и до нас.

...В эту последнюю зиму Гоголь был погружен в себя, задумчив, неразговорчив, как и прежде. Однако близким его казалось, что он был веселее обыкновенного. Притом он нередко выходил со двора, навещал знакомых, даже бывал иногда на обедах. Деятельности в нем в это время было больше, нежели прежде. Он даже как-то поехал в театр посмотреть своего «Ревизора» на московской сцене. Оставшись недовольным исполнением его, он пригласил к себе актеров и читал при них многие сцены. Собирался также посмотреть, как идут «Игроки» и «Женитьба». По всему было видно, что Гоголь еще был занят и своими творениями, и всем житейским, а это уже было не более как за месяц до его смерти. В эту же зиму он закончил второй том «Мертвых душ».

Время от времени в нем обнаруживалась мрачность духа без всякого повода. По непонятной причине он избегал встречи с известным доктором Ф.П. Гаазом, который, встретив как-то случайно Гоголя в ночь на новый 1852 год, пожелал ему такого нового года, который даровал бы ему вечный год. Эти слова поселили в душе писателя уныние и стали словно зародышем тех мрачных мыслей, которые по прошествии времени при других, более ярких впечатлениях приняли решающий характер.

С этого времени мысль о смерти и приготовлении себя к ней сделалась преобладающей. Для своих бесед он стал избирать таких людей, которые были весьма строги в своих наставлениях, чтобы они указывали ему недостатки не только в его сочинениях, но и в жизни и говорили, что нужно исправить в нем как в писателе и человеке.

В это же время, к великому удовольствию Гоголя, из Ржева приехал священник, известный христианской, строго православной жизнью, к которому писатель питал особое уважение и всегда любил с ним беседовать. Духовный наставник Гоголя проповедовал евангельские истины о том, что ничто земное не должно прельщать человека, в том числе и слабость тела не должна удерживать от пощения.

Вскоре Гоголь обложил себя книгами духовного содержания более чем прежде, забросил литературную работу и всякие другие занятия, есть стал весьма мало, хотя, по-видимому, не терял аппетита и жестоко страдал от лишения пищи. Свое пощение он не ограничивал одной пищей, но сокращал и сон. После ночной продолжительной молитвы он вставал рано и шел к заутрени.

Казалось, изнеможение тела, дошедшее до болезненного состояния, еще более усиливало мрачное его настроение. Его поступки становились страннее обыкновенного. Его уговорили посоветоваться с врачом. Давнишний знакомый доктор писателя нашел, что страдания его пациента связаны с желудком, прописал ему лекарства и запретил выезжать. Не веря вообще медицине и медикам, Гоголь не воспользовался советами врача, хотя и чувствовал себя весьма дурно. С этих пор он перестал принимать у себя знакомых, оставался один по ночам при всеобщей тишине, проводил время в молитве со слезами.

Писатель во время последнего поста.

Как-то он, изнеможенный, уснул на диване, а когда проснулся, послал за приходским священником и попросил вновь причастить его и соборовать, потому что видел себя мертвым во сне, слышал какие-то голоса и теперь почитает себя уже умирающим. Мысль о смерти преследовала его беспрерывно и не оставляла даже во сне. Священник, не заметив в его состоянии ничего опасного, уговорил его отложить исполнение таинств до другого времени.

Некоторое время спустя Николай Васильевич, оставаясь все эти дни без пищи, был уже так слаб, что едва мог сойти к вечернему богослужению, останавливаясь, присаживаясь на стул, однако ж стоял всю службу и молился. В это же время Гоголь достал из шкафа большую кипу своих тетрадей и сжег их. Когда почти все сгорело, он еще долго сидел, задумавшись, потом заплакал и с горестью воскликнул: «Вот что я сделал! Хотел было сжечь некоторые вещи, давно на то приготовленные, а сжег все! Как лукавый силен — вот он к чему меня подвигнул! А я было там много дельного уяснил и изложил. Это был венец моей работы». После этого мысль о смерти как близкой, необходимой, неотразимой запала ему глубоко в душу и не оставляла его.

СТОЙ несчастной ночи он сделался еще слабее и мрачнее прежнего: не выходил более из своей комнаты, не желал никого видеть, сидел целые дни в кресле, в халате, протянув ноги на другой стул, перед столом. Сам он почти ни с кем не начинал разговора: отвечал на вопросы других коротко и отрывисто. Было видно, что он в полной памяти, но общаться ни с кем не желает. Как-то он сказал: «Надобно же умирать, а я уже готов, и умру...»

А. Тарасенков вспоминал, что, увидев Гоголя, он ужаснулся: перед ним был человек, словно изнуренный до крайности чахоткой или доведенный каким-то истощением до необыкновенного изнеможения. Сам он чрезвычайно похудел, глаза сделались тусклы и впали, лицо осунулось, щеки ввалились, голос ослаб, язык с трудом шевелился, выражение лица стало неопределенное, необъяснимое. Он сидел, протянув ноги, не двигаясь, еле удерживая голову прямо.

Силы больного падали быстро и невозвратно. Считая, что постель будет для него смертным одром, он старался оставаться в креслах. На второй неделе поста он улегся в халате и в сапогах и уже более не вставал с постели и приступил к напутственным таинствам покаяния и причащения.

Он сказал одному из врачей: «Ежели будет угодно Богу, чтоб я жил еще — буду жить...» В Москве уже прослышали о болезни Гоголя. Дом был переполнен толпой почитателей его таланта. Все молча стояли со скорбными лицами, боясь нарушить покой страждущего. Гоголь лежал на широком диване в халате, сапогах, отвернувшись к стене, на боку, с закрытыми глазами. Против его лица — образ Богоматери, в руках — четки.

Врачи не теряли надежды на его спасение и поддерживали в нем жизнь как могли. Но пульс Гоголя делался все слабее, дыхание становилось еще тяжелее, вскоре больной перестал сам поворачиваться и продолжал смирно лежать на одном боку. Потом он стал забываться и терять память, все просил пить, а по временам бормотал что-то невнятное, как бы во сне. Вдруг он громко закричал: «Лестницу давай, лестницу!..» Казалось, ему хотелось встать. Его посадили в кресло, голова его уже не могла держаться и падала машинально, как у новорожденного ребенка. Вскоре он потерял сознание, пульс перестал биться, он захрипел, глаза его раскрылись, стали безжизненными. Казалось, наступает смерть, но это был обморок, который длился несколько минут.

После этого обморока Гоголь уже не просил ни пить, ни поворачиваться, постоянно лежал на спине с закрытыми глазами, не произнося ни слова. К ночи стали холодеть ноги, дыхание сделалось хриплое и еще более затрудненное, кожа покрылась холодной испариной, под глазами посинело, лицо осунулось, как у мертвеца.

Доктора еще продолжали бороться за его жизнь, но на другой день, в четверг, 21 февраля 1852 года, около восьми часов утра дыхание Гоголя прекратилось и исчезли все признаки жизни...

ИЗ всех предполагаемых болезней трудно назвать какую-либо одну, которая объяснила бы смерть Гоголя. По предположениям лечащих врачей, пожалуй, лишь некропсия — болезненное ожидание смерти могло быть причиной всех его страданий.

Он, беспрерывно помышляя о небесном, перестал дорожить земным и готовил себя к загробной жизни. Сами сочинения его казались ему недостаточными, незрелыми, вредными, греховными. Он был так недоволен собой, что решился переломить свою натуру. Высшая христианская добродетель — смирение — вместо того чтобы возвысить душу, умертвила тело. Ему казалось, что он не исполнил ни одного из заветов христианства.

Склонный верить всему необычайному, он часто помышлял о сверхъестественных видениях и в забытьи узрел то, что уверило его в приближении смерти. С тех пор предчувствие смерти сделалось для него беспрерывным. Страх смерти потрясал все его существование и усилил болезнь. Он не верил, что его болезнь могла бы быть понятна медицине, считая врачебную науку скорее вредной, чем полезной. Ожидая своей близкой кончины, он не пожелал оставить земную память о себе, часть себя — свои произведения. Уничтожив их, он не оставил ничего на земле, и, закончив расчет с жизнью, углубился в созерцание предсмертного часа.

Дрожащей рукой на смертном одре Гоголь написал: «Помилуй, Господи, меня грешного! Свяжи Сатану вновь...»

Этот последний крик души и унес с собой смиренно в могилу художник огромной силы Николай Васильевич Гоголь.

Вот такую историю, пришедшую к нам через поколения, поведали мне в семье Тарасенковых. Необыкновенным человеком Гоголь был при жизни — таинственна была и его кончина. Загадка смерти Гоголя так и остается неразрешенной, и медицина вряд ли может поставить здесь свой точный диагноз.

Мэри СИДОРОВА.